

А.В. Лубский, докт. филос. наук, Южный федеральный университет*

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ “НОВЫЕ ИДЕИ В СОЦИОЛОГИИ”**

Статья представляет собой рецензию на монографию “Новые идеи в социологии”, под редакцией Ж.Т. Тощенко.

Ключевые слова: социология, новые явления и процессы в российском обществе, социологические исследования.

The article is a review of the book entitled “New Ideas in Sociology”, edited by J. T. Toshchenko.

Key words: sociology, new phenomena and processes in the Russian society, sociological research.

Монография, в которую вошли доклады, прозвучавшие на семинарах Научного совета “Новые явления в общественном сознании и социальной практике”, а также статьи, опубликованные в журнале “Социологические исследования” в 2010–2012 гг., состоит из двух разделов: в первом рассматриваются состояние и тенденции развития российской социологии; во втором представлены результаты социологического изучения новых явлений и процессов в российском обществе.

Состояние социологии в России на рубеже веков можно охарактеризовать метафорой “fin de siècle”, означающей конец одной и начало другой эпохи: крах многообещающих начинаний, но и сохранение надежды на интеллектуальные прорывы¹. При этом эксперты отмечают, что “сегодняшнее состояние российской теоретической социологии вызывает много вопросов у социологов, занимающихся этой проблематикой. Чаще всего высказываются весьма критические точки зрения об отсутствии универсальных теоретических средств для эффективного исследования современного российского общества, социологического языка, на котором российские социологи могли бы вступать в профессиональную коммуникацию, о некритическом использовании теорий, заимствуемых у западной социологии”². В связи с этим одни исследователи

* Лубский Анатолий Владимирович, e-mail: soc@ippk.sfedu.ru

** Новые идеи в социологии: Монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.

¹ См.: Лубский А.В. Российская социология на рубеже веков: состояние и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 59–75.

² Козлова Л.А. Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии: мнения экспертов // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М., 2010. С. 97.

обращают внимание на крайне низкий теоретический уровень работ российских ученых³, а другие утверждают, что в современной России вообще нет теоретической социологии⁴. Один из авторов монографии, А.В. Тихонов, размышляя о перспективах развития отечественной социологии, назвал ее нынешнее состояние “преднаукой”⁵.

Рассматривая тенденции развития российской социологии, Ж.Т. Тощенко отмечает как позитивные моменты этого развития, обусловленные теоретическими поисками, так и негативные, связанные с рецепцией западной социологической мысли. В плане теоретических поисков он обращает внимание на то, что в работах российских ученых получили дальнейшее развитие такие социологические концепции, как общество знания, турбулентный социум, социология жизни. Отечественные ученые добились теоретически значимых результатов при изучении таких новых явлений и процессов в российском обществе, которые связаны с конфликтогенностью миграционных потоков (А.В. Дмитриев), образом жизни (Г.И. Осадчая), в том числе этнических диаспор (Ю.В. Арутюнян), жизненными силами общества (С.И. Григорьев), сдвигами в общественном сознании и поведении различных социальных групп (В.К. Левашов, В.А. Луков), трансформацией социальной структуры общества (Н.Е. Тихонова), институциональными матрицами общественного развития (С.Г. Кирдина).

Негативные тенденции в развитии российской социологии проявляются в том, что “многие авторы, — как подчеркивает Ж.Т. Тощенко, — пока не могут обойтись без того, чтобы при объяснении происходящих изменений не прибегать к многочисленным ссылкам на коллег-социологов за рубежом”, и поэтому “самый незначительный анализ сопровождается перечнем и цитированием имен лишь американских, французских или немецких ученых”. В результате создается впечатление, что “российские социологи не могли предложить ни одной новаторской идеи по изучаемой проблеме. Авторы не пытаются сделать свои выводы, пусть спорные, но основанные на анализе реальной ситуации”⁶.

В связи с этим следует отметить, что Ж.Т. Тощенко затрагивает очень “щепетильную” для российской социологии тему, связанную с некритическим использованием в отечественных социоло-

³ См.: Гудков Л. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339.

⁴ См.: Филиппов А. Теоретическая социология в России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 185–204.

⁵ Тихонов А.В. Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Новые идеи в социологии. С. 33–49.

⁶ Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии. С. 10–24.

гических практиках западных теоретических конструкторов. Сегодня в социологических исследованиях особое значение придается принципу контекстуальности, предполагающему необходимость изучения социальных явлений в рамках той культурно-исторической среды, которая их породила. Поэтому прежний поиск универсальных понятий и моделей, пригодных при изучении любой страны, независимо от ее социокультурного своеобразия в настоящее время, как подчеркивают некоторые специалисты, признается сциентистской иллюзией. Даже такие понятия, как “глобализация” или “модернизация”, предлагается использовать только применительно к конкретному этапу развития региона, страны, мира⁷, наполняя их национальной спецификой⁸.

При этом речь, разумеется, идет не том, что при изучении российского общества нельзя использовать методологические подходы, разработанные в современной западной социологии, а о том, что, во-первых, эти подходы не следует превращать в универсальные познавательные средства, а во-вторых, их познавательный потенциал надо соизмерять с российской социокультурной спецификой. При изучении конкретных социокультурных реалий необходима социологическая экспертиза возможности использования социологических теорий, возникших, например, в западноевропейском интеллектуальном контексте, которая предполагает выяснение степени соизмеримости различных пластов российского и западноевропейского социокультурного опыта или поиск областей их социокультурного совпадения. При использовании понятий, возникших в рамках определенной социокультурной среды для описания и объяснения иного социокультурного опыта, надо также учитывать методологическое предостережение П. Фейерабенда, который писал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя “подогнать” под западноевропейский способ мышления»⁹.

На необходимость соблюдения принципа контекстуальности обращает внимание также В.А. Ядов, который, размышляя о будущем социологии, пишет, что в перспективе следует ожидать дальнейших коррекций глобалистских концепций с более адекватной привязкой к особым континентам, культурам, обществам. При этом он полагает, что идею глокализации, т.е. сочетания глобальное — локальное, надо расширить до формулы глобальное — ло-

⁷ См.: Титаренко Л.Г. Современная теоретическая социология // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 16–24.

⁸ См.: Федотова В.Г. Новые идеи в социальной теории // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 18.

⁹ Файерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 432.

кальное — анклавное¹⁰. С.А. Кравченко, раскрывая новые идеи в области теории нелинейно развивающегося социума в эпоху пост-модерна, отмечает, что без учета всех амбивалентных последствий увеличения открытости “открытого социума”, включая анклавизацию, “мы не определим корректно тенденции формирования и направления развития современного глобального сообщества”. Однако, по мнению автора, адекватный теоретико-методологический инструментарий для анализа такого социума должен быть не универсальным и завершенным, а становящимся, основанным на новом типе социологического воображения, на переходе к альтернативным моделям научного, в том числе и нелинейно-гуманистического, мышления¹¹. С.Г. Кирдина применительно к изучению гражданского общества также отмечает, что очень часто оно изучается с помощью заранее заданных понятий, сформированных для конкретного культурного и институционального контекстов и превращенных в российском интеллектуальном дискурсе в своего рода идеологемы¹².

Обращая внимание на низкий уровень терминологической культуры российских социологов, Д.Г. Подвойский поднимает целый ряд вопросов, относящихся к проблемной сфере особенностей языка социологии и ее понятийного аппарата в условиях мультипарадигмальности¹³. Актуализация проблемы языка научного дискурса в отечественной социологии может рассматриваться, на наш взгляд, как попытка преодоления в ней, с одной стороны, синдрома интеллектуального подражания, а с другой — антитеоретического консенсуса¹⁴. Соглашаясь с выводом автора о том, что формирование универсального понятийного аппарата — это “манящая сциентистская утопия”, полагаем, что в условиях методологического плюрализма в научно-исследовательской деятельности следует исходить из принципа, удачно сформулированного Ф. Граусом. Суть его состоит в том, что понятия не могут быть “правильными” или “неправильными” — они могут быть либо “работающими”, либо “неработающими”¹⁵. Чтобы сделать понятия “работающими”, их надо предварительно операционализировать, т.е. адапти-

¹⁰ См.: Ядов В.А. Каким мне видится будущее социологии // Новые идеи в социологии. С. 25–32.

¹¹ См.: Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Там же. С. 78–98.

¹² См.: Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Там же. С. 99–116.

¹³ См.: Подвойский Д.Г. Языки социологии: многоголосие или какофония? // Там же. С. 67–78.

¹⁴ См.: Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284–293.

¹⁵ Graus F. Mentalität — Versuch einer Begriffbestimmung und Methoden der Untersuchung // Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen, 1987. S. 11.

ровать к предметной области социологического исследования, а затем инструментализировать, т.е. превратить в познавательные конструкции¹⁶.

В монографии поднимаются и другие проблемы методологического характера. Так, Ж.Т. Тошенко подчеркивает, что в социологии сегодня “померк структурно-функциональный подход, на ведущие позиции стал претендовать антропоцентризм в его социальном контексте”. В результате, как образно замечает В.А. Ядов, “железная клетка” социальных структур рухнула, и взамен явился субъект, который выходит из заточения и начинает “самовольничать”. О методологических возможностях антропоцентризма в социологии свидетельствуют результаты исследований Н.В. Романовского и Л.А. Гуцаленко, в которых рассматриваются проблемы коллективной памяти и идентичности, парадоксальности “человеческого измерения” социальных инноваций и квазиинноваций в обществе¹⁷.

В настоящее время в социологии, как подчеркивает А.В. Тихонов, сложилась методологическая ситуация, которая характеризуется не столько необходимостью смены старой парадигмы, сколько осознанием потребности в ревизии исторического пути развития социологических представлений об обществе. В связи с этим следует отметить, что результатом такой ревизии стало возникновение различных представлений о стратегии дальнейшего развития социологии. Так, В.А. Ядов говорит о необходимости создания новой интегративной социологической теории¹⁸. А.В. Тихонов полагает, что одной из таких стратегий может стать синтез социологии жизни и деятельностно-активистского подхода. С.А. Кравченко обращает внимание на идеи “рефлексивной социологии”, методологически ориентирующие исследователя на изучение трансформаций рефлексивности социальных акторов, выступающей посредником между социальной структурой и социальной деятельностью, ведущей к переопределению социальных ситуаций и переструктурированию социальных отношений. В последнее время большое внимание в социологии уделяется научным исследованиям междисциплинарного характера. В этом плане интерес представляют методологические идеи А.В. Шкурко, рассматривающего проблемы синтеза нейробиологического и социологического объяснений¹⁹.

¹⁶ См.: *Лубский А.В.* Российская социология: язык научного дискурса // Методология, теория и история социологии: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2012. С. 127–143.

¹⁷ См.: *Романовский Н.В.* Новое в социологии — “бум памяти” // Новые идеи в социологии. С. 50–66; *Гуцаленко Л.А.* Социальные инновации и квазиинновации в человеческом измерении // Там же. С. 117–133.

¹⁸ См.: *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформации. СПб., 2006. С. 81.

¹⁹ См.: *Шкурко А.В.* На пути к нейросоциологии // Новые идеи в социологии. С. 184–200.

Результаты социологических исследований новых явлений в российском обществе представлены в монографии авторами, изучающими прежде всего процессы его трансформации в условиях модернизации. Так, А.В. Кива в сравнительном плане анализирует модели реформ и результаты их реализации в России и Китае²⁰. Н.И. Лапин в контексте иерархии базовых ценностей показывает социокультурные факторы российской стагнации и модернизации, обосновывая системный разрыв между человеческими измерениями стагнации в России и модернизации в развитых странах Европы²¹. В.К. Левашов в контексте мирового экономического кризиса рассматривает вопросы устойчивого развития российского общества на базе принципов новой политической культуры и стратегии, основанной на согласовании интересов человека, общества и природы²². Л.А. Беляева, раскрывая связь между образованием и культурным капиталом, подчеркивает значимость образовательного потенциала населения для проведения модернизации в России²³. Д.В. Трубицын рассматривает проблемы модернизации российского общества в контексте негативной мобилизации как его контрмодернизационной стратегии²⁴. Ю.Г. Волков, предлагая сценарии будущего креативного общества в России, рассматривает предпосылки его формирования применительно к проекту российской модернизации²⁵. О.А. Кармадонов, обобщая опыт исследования ресурсов консолидации российского общества, делает вывод о том, что отсутствие эмпатии как на макросоциальном уровне, так и на уровне микросоциальных интеракций является негативным фактором в процессе российской модернизации²⁶. Ф.И. Минюшев предпринимает попытку объяснения социальных трансформаций в российском обществе с позиций мегапарадигмы, включающей теории социального отчуждения, социальных компромиссов и социальной конвергенции²⁷.

²⁰ См.: *Кива А.В.* Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Там же. С. 293–313.

²¹ См.: *Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Там же. С. 214–239.

²² См.: *Левашов В.К.* Мировой экономический кризис и устойчивое развитие // Там же. С. 255–270.

²³ См.: *Беляева Л.А.* Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // Там же. С. 377–396.

²⁴ См.: *Трубицын Д.В.* “Модернизация” и “негативная мобилизация”: конструкции и сущность // Там же. С. 134–159.

²⁵ См.: *Волков Ю.Г.* Креативное общество как цель российской модернизации // Там же. С. 212–213.

²⁶ См.: *Кармадонов О.А.* Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Там же. С. 450–463.

²⁷ См.: *Минюшев Ф.И.* Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения // Там же. С. 151–167.

Н.Е. Тихонова, изучая социальную структуру российского общества, пришла к выводу о том, что наличие в ней андеркласса, или низшего класса, делает Россию похожей не на постиндустриальные страны, а на США или Европу первой трети XX в.²⁸ Вал. А. Луков, анализируя новые идеи в изучении российской молодежи, отмечает, что в исследовательской практике в последнее время на передний план выдвинулись три ее ведущие характеристики: 1) социальная и культурная субъектность; 2) социальная и культурная автономия; 3) многообразие социальных и культурных практик²⁹. В.А. Авксентьев и Б.В. Аксюмов, представляя “портфель” идентичности молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора, делают вывод о размытости цивилизационной ориентации этой молодежи и ее зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности³⁰. В.В. Пациорковский, рассматривая становление социологии расселения в качестве особой отрасли социологического знания, полагает, что в практическом плане она будет способствовать устойчивости пространственной организации российского общества³¹. П.П. Великий, изучая неотходничество как “механизм” сезонной трудовой миграции сельского населения, делает вывод о том, что в нем заключена единственная возможность территориальной мобильности “лишних людей” современной российской деревни³². Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова, изучая новые тенденции в сельских сообществах российского Севера, вводят понятие “клеточная глобализация” для характеристики ее “гибридной” формы в условиях российской специфики³³.

С.Г. Кирдина, рассматривая проблемы формирования гражданского общества, подчеркивает, что оно формируется в условиях доминирования Y-институциональной матрицы (рыночная экономика, федеративное политическое устройство, индивидуалистическая идеология). В условиях доминирования X-институциональной матрицы (редистрибутивная экономика, унитарное политическое устройство, коммунитарная идеология), в том числе и в России, термин “гражданское общество”, по ее мнению, следует исклю-

²⁸ См.: Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Там же. С. 339–358.

²⁹ См.: Луков Вал.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Там же. С. 397–417.

³⁰ См.: Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Там же. С. 464–477.

³¹ См.: Пациорковский В.В. Социология расселения как специальная социологическая теория // Там же. С. 168–183.

³² См.: Великий П.П. Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Там же. С. 441–449.

³³ См.: Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. “Клеточная глобализация” и новые тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // Там же. С. 314–338.

чить из научного дискурса, заменив его понятием “гражданское участие”. А.С. Запесоцкий, подчеркивая роль СМИ в формировании российской культуры и информационной политики Российского государства, считает ориентацию на рыночные механизмы регулирования деятельности СМИ в российском обществе ошибочной, неравнозначной общественному контролю и участию³⁴.

Особый интерес вызывают представленные в монографии результаты социологических исследований новых явлений в России в сфере общественного сознания. Так, Ж.Т. Тощенко, отмечая, что в российском сознании одновременно происходят процессы универсализации и диверсификации, выделяет такие его специфические черты, как раскол и антиномичность, неопределенность и размытость, злободневность и динамичность. Выделяя антиномичность как наиболее характерную черту российского общественного сознания, автор рассматривает антиномии как своеобразные формы его “кентавризма”³⁵. М.К. Горшков, анализируя представления россиян о желаемом будущем для себя и общества в целом, делает вывод о том, что мечта — это не только особая форма социального воображения, но и мотивационная установка, и побудительная сила социальных преобразований. При этом автор отмечает, что в российском общественном сознании сегодня имеются все те компоненты, из которых синтезировалась русская мечта в прошлом: идея государства как “общего дела”, приоритет социальных прав над политическими, чувство справедливости, приверженность социальному равенству, понимание свободы как “воли”³⁶. О.Н. Яницкий, рассматривая такую патологию российского общественного сознания, как “мусорная культура”, обращает внимание на то, что это — культура людей и сообществ, сознательно разрушающих свое экологическое пространство, живущих в мусорной среде и поэтому воспринимающих ее как норму³⁷.

В целом содержание монографии свидетельствует о том, что не все так “грустно” на интеллектуальном ландшафте российской социологии, как это иногда представляется в отдельных работах. В последнее время в ней стали появляться оригинальные идеи и наметились определенные когнитивные прорывы, особенно в рамках неоклассической модели социологических исследований³⁸.

³⁴ См.: *Запесоцкий А.С.* *Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни* // Там же. С. 359–376.

³⁵ См.: *Тощенко Ж.Т.* *Антиномия — новая характеристика общественного сознания в современной России* // Там же. С. 271–292.

³⁶ См.: *Горшков М.К.* “Русская мечта” // Там же. С. 240–254.

³⁷ См.: *Яницкий О.Н.* “Мусорная культура” // Там же. С. 438–440.

³⁸ См.: *Лубский А.В.* *Неоклассическая модель социологического исследования* // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 112–120.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Л. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339. (*Gudkov L. O polozhenii social'nyh nauk v Rossii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. N 77. S. 314–339.*)

Козлова Л.А. Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии: мнения экспертов // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М., 2010. (*Kozlova L.A. Teoretiko-metodologicheskaja situacija v rossijskoj sociologii: mnenija jekspertov // Teorija i metodologija v praktikah rossijskih sociologov: postsovetskie transformacii. M., 2010.*)

Лубский А.В. Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012а. № 7. С. 112–120. (*Lubskij A.V. Neoklassicheskaja model' sociologicheskogo issledovanija // Social'no-gumanitarnye znanija. 2012a. N 7. S. 112–120.*)

Лубский А.В. Российская социология на рубеже веков: состояние и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2012б. № 1. С. 59–75. (*Lubskij A.V. Rossijskaja sociologija na rubezhe vekov: sostojanie i tendencii razvitiya // Gumanitarij Juga Rossii. 2012b. N 1. S. 59–75.*)

Лубский А.В. Российская социология: язык научного дискурса // Методология, теория и история социологии: Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2012в. С. 127–143. (*Lubskij A.V. Rossijskaja sociologija: jazyk nauchnogo diskursa // Metodologija, teorija i istorija sociologii: sbornik nauchnyh statej. Rostov n/D, 2012v. S. 127–143.*)

Новые идеи в социологии: Монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013. (*Novye idei v sociologii: Monografija / Otv. red. Zh.T. Toshchenko. M., 2013.*)

Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284–293. (*Rozov N.S. (Ne)mysljaschaja Rossija: antiteoreticheskij konsensus kak faktor intellektual'noj stagnacii // Prognosis. 2007. N 3. S. 284–293.*)

Титаренко Л.Г. Современная теоретическая социология // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 16–24. (*Titarenko L.G. Sovremennaja teoreticheskaja sociologija // Sociologicheskie issledovanija. 2009. N 1. S. 16–24.*)

Файерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. (*Fajeraabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki. M., 1986.*)

Федотова В.Г. Новые идеи в социальной теории // Социологические исследования. 2011. № 11. (*Fedotova V.G. Novye idei v social'noj teorii // Sociologicheskie issledovanija. 2011. N 11.*)

Филиппов А. Теоретическая социология в России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 185–204. (*Filippov A. Teoreticheskaja sociologija v Rossii // Mysljashchaja Rossija. Kartografija sovremennyh intellektual'nyh napravlenij. M., 2006. S. 185–204.*)

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006. (*Jadov V.A. Sovremennaja teoreticheskaja sociologija kak konceptual'naja baza issledovanija rossijskih transformacij. SPb., 2006.*)

Graus F. Mentalität — Versuch einer Begriffbestimmung und Methoden der Untersuchung // Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen, 1987.